

BOOK & BIOGRAPHY

А Л Ь Ф О Н С О С И Н Ь О Р И Н И

Другая ШАНЕЛЬ

Если ты рожден без крыльев, не мешай им расти.
Коко Шанель

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

Биографий Коко Шанель существует великое множество. Но история женщины, которая пришла в мир моды и перекроила его, как неудачное платье, достойна большего, чем сухое перечисление фактов. Шанель сама писала роман своей жизни, отказываясь становиться на колени, какие бы трудности ни преподносила ей судьба. Коко склонялась только перед своей одеждой... «Другая Шанель» – другая книга о великой женщине, взгляд художника, а не историка.

- Альфонсо Синьорини

- Пролог

- Возвращение

- Замешательство

- Предзнаменование

- Реванш

- Дни в Курпьере

- Переезд в Бривля-Гайард

- Кровь на полу

- Тайны Обазина

Альфонсо Синьорини

Другая Шанель

ALFONSO SIGNORINI

CHANEL

Una vita dafavola

Перевод с итальянского С. Ю. Рюриковой

© 2009 Arnoldo Mondadori Editore S.p.A., Milano

© Издание на русском языке, перевод на русский язык. ООО
Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2010

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»,
2013

Очарованию несовершенства

La chance, c'est une façon d'être.

La chance, ce n'est pas une petite personne.

La chance, c'est mon âme.

Gabrielle Chanel

Пролог

Возвращение

Тонкие колечки голубого дыма летят ввысь, перегоняя друг друга, и медленно тают в воздухе. Сигарета выкурена наполовину. На колечки устремлен неподвижный взгляд женщины лет пятидесяти. Ее волосы собраны в пучок, на лице – умелый макияж. Кажется, она вся во власти мыслей, которые вот-вот обратятся в слова. Но пока она не торопится выпустить их, словно напуганная какой-то невидимой силой. Женщина сидит в неуверенной позе, на самом краешке стула, то и дело поглядывая на другую даму, постарше. Та удобно расположилась на диване, держа между пальцами забытую сигарету. Ничто не выдает ее волнения, но она вдруг произносит резко:

– Хватит! Не надо говорить мне то, что вы на самом деле не думаете. Я точно знаю – у меня получится. Все вокруг меня считают, что уже поздно. Даже тебя, Манон, снедает страх. Страх, что все в прошлом. Мне вовсе не нужны слова одобрения. Я в них не нуждаюсь. Судя по всему, один лишь Пьер Вертаймер считает, что поступил правильно!

Та, кого называли Манон, отвела взгляд от тающего сигаретного дыма, на мгновение ее глаза с жалостью остановились на собеседнице.

– Мадемуазель, – произнесла она едва слышно, – если бы я не верила в вас, меня бы тут не было.

Действие происходит в доме номер 31 по улице Камбон, на втором этаже. Мадемуазель Габриель Шанель, известная всей планете под именем Коко, и мадам Лижур, которую вот уже много лет все называют Манон, говорят о февральском дне 1954 года. Габриель воспроизводит в памяти походку манекенщиц, крой демонстрируемых платьев, цвет и сияние тканей. Особенно четко она видит перед собой образ белокурой Иветт, модели слишком жеманной и, по ее мнению, нагловатой. В тот день Иветт вышла на подиум в пиджаке из джерси, который можно было бы скроить получше, к тому же, черт возьми, сатиновый бант от блузки оказался наполовину спрятан под вырезом.

А Манон кажется, что она слышит гомон толпы. Людей было столько, сколько они не видели с 1939 года. Возвращение великой Коко Шанель стало событием, которое привлекло внимание самой разной публики. Вот они, эти люди, сидят в креслах из золотистого бархата вдоль сверкающего подиума на улице Камбон. Большинство из них – яркие звезды мира моды, мира культуры и искусства. А вот и богатеи, денежные мешки. Снаружи тоже толпа, привлеченная шумным событием.

Знаменитые лица и шляпки, ценой в тысячи франков, а рядом – обыкновенные люди, которым никогда не получить входного билета.

Пятое февраля – великий день! Созданный через преодоление, ценой невероятной трудоспособности. Коко Шанель сняла корону в далеком 1939-м, когда над Парижем, скрипя и лязгая, сомкнулись ржавые ставни войны, погрузившие город во мрак. Свет в ателье на улице Камбон погас – впервые в жизни Коко пришлось смириться с тем, что ее будущее предрешено кем-то другим. А ведь она всегда кроила свой завтрашний день, словно очередное платье. Она любила свободу и предпочитала делать только то, что нравится ей самой. Она вся была в этом.

– Пятнадцать лет достаточно, – сказала она самой себе за несколько месяцев до знаменательного февральского дня. – И потом, мне кажется, пора женщинам обрести новую элегантность – комфортную. Наши женщины утратили элегантность.

Теперь ей уже семьдесят один. И она наслаждается результатом своей ссылки, продлившейся пятнадцать лет. За эти годы ей удалось накопить невероятное количество сил и энергии.

– Хотите похоронить меня заживо? – ледяным тоном бросает она Манон.

Верная управляющая всех ее магазинов отвечает взволнованным взглядом. Еще один выстрел, прямо в грудь бедной Манон:

– Что ж, я могу все бросить. Еще раз. Я ведь так уже сделала однажды. Я не боюсь забвения.

Она не просит помощи у своей ассистентки, юной девушки, одетой во все светлое. Она не опирается на предложенную руку, хотя девушка постоянно находится рядом с ней. То и дело приседать, когда за семьдесят, – упражнение, поверьте, непростое. Ноги сгибаются неохотно. Это кажется символичным – жизни никогда не удавалось поставить Габриель на колени. Однако перед своей собственной одеждой ей даже нравится склоняться. Одну булавку она держит губами, вторую – в руке. Эта булавка – словно кисть, призванная нанести последний штрих, возможно, ни для кого не заметный. Коко, великая Коко возится у ног манекенщицы, которая будет демонстрировать одну из ста тридцати моделей, придуманных к возвращению в мир моды. Она приводит в порядок юбку из шелка шантунг. Ее линии бросят вызов послевоенной Франции.

– Стой спокойно, пожалуйста. Лучше скажи: тебе в ней удобно?

Юная Симона, стройная кареглазая девушка из Нормандии, отвечает робким шепотом:

– Конечно, мадемуазель.

– Мне не нужна лесть, девочка. Я хочу знать, какие у тебя ощущения от того, что на тебе надето.

– Мадемуазель, это похоже на одежду, которую носишь дома. Которой доверяешь. Легкая и надежная.

Коко улыбается одними глазами.

– Ты это прочитала в каком-то журнале несколько дней назад, так? Ну, неважно. Если ты действительно так чувствуешь, значит, я достигла цели.

Внезапно, все еще стоя на коленях, она обнимает ноги Симоны, захватывая юбку. Обнимает с силой, а потом опускает руки и смотрит, что произошло. Ей недостаточно видеть крой, линию, цвет. Ей важно знать, что происходит с тканью, как мнется этот китайский шелк. Юбка должна оставаться стильной. Даже в помятом состоянии.

До показа остается совсем немного – каких-то несколько минут, и в жизни Коко начнется новый виток. Помимо голоса Манон, за кулисами слышен голос Люсии Буте, работавшей при Коко в ее золотые годы (после того как в 1939 году мадемуазель выбрала забвение, она открыла свое собственное ателье на улице Руаяль). Люсия взяла на себя труд руководить пятьюдесятью портнихами, нанятыми по случаю.

– Девочки! – говорит она громко. – Все готовы? Пора на

подиум!

Коко тем временем устраивается в своем пространстве в полумраке. Она садится на ступеньку лестницы, ведущей на второй этаж. Эта лестница отделяет взволнованную публику от тех, кто готовит показ.

Манон окликает хозяйку:

– Мадемуазель, вы идете?

– Нет, продолжайте работать. Я останусь здесь.

Она хочет наблюдать за всем, будучи уверенной, что ее не видит никто.

На подиум выходят манекенщицы в первых туалетах, и Коко на мгновение прикрывает глаза. Этого мгновения ей достаточно, чтобы понять: наступившая в зале тишина – не от восторга, а скорее, от неловкости. По коже пробегает легкая дрожь, которую она не в силах объяснить. Нет-нет, это не страх. Да и униженной она себя совсем не чувствует. Возможно, это просто шелест времени. Вибрация тех пятнадцати лет, что требуют уважения к себе. Пятнадцать лет – это не просто пауза, не просто чуть затянувшийся интервал между двумя нотами. Ее столь долгое отсутствие – это надлом. Сегодняшняя Коко Шанель – это изменившаяся Вселенная. Ей не надо искать равновесия между любовью и свободой. Она без всяких дилемм нашла себя. Несколько месяцев раньше она связалась со своим старым другом и соратником Пьером Вертаймером, попросив у него поддержки в возвращении. В частности, поддержки финансовой, ведь именно его деньги могли обеспечить шумное второе пришествие. В юности Коко умудрялась в одиночку практиковать командные виды спорта. Она предпочитала совершать ошибки, но не принимать помощь от окружающих. Проигрыш? О нет, проигрыш казался ей невозможным. Теперь она знает, что быть Шанель – это тяжелый труд, а не просто слава.

Публика – сплошь старые друзья, но и они сидят с потеряннным видом. В зале повисла ледяная атмосфера катастрофы, и лишь единицы пытаются не замечать этого. Другие сопереживают замешательству, которое – как им, вероятно, кажется, – охватывает в эти мгновения признанную королеву моды. Сегодня у публики каменное сердце. Так будет и завтра. И в последующие дни. Начнутся злобные сплетни, появятся убийственные комментарии в прессе...

Все эти люди, пришедшие на показ, были полны энтузиазма. Теперь же они говорят, что эпоха Коко осталась в далеком прошлом. И лучше ей не начинаться вновь.

Предзнаменование

– И что, по-твоему, не так?

Мегги Ван Зулен пытается привнести хоть немного спокойствия. На ее плечах лежит непростая обязанность – быть услышанной. В элегантно обставленной комнате Мегги стоит рядом с дочерью, Мари-Элен. Та отчаянно рыдает уже несколько минут. Похоже, начался Всемирный потоп, и в Ноевом ковчеге не оказалось места для бедной девушки. Хотя, по правде говоря, самой Мари-Элен разразившаяся драма кажется очень, очень серьезной. Только что ее планы на вечер, которого она так ждала, рассыпались прахом. Она надеялась блеснуть на сегодняшнем балу. Быть дебютанткой – это так ответственно... Самые влиятельные семьи Восточного побережья чуть ли не за год готовятся к дорогостоящему параду мод. Каждая из наследниц уверена: ее платье – лучшее из лучших, в нем она затмит всех...

Но коварная и рациональная Коко в магию не верит. Верит она лишь в себя. Здесь, в этой комнате, устланной красно-голубыми коврами, она присутствует в качестве подруги – правда, подруги знаменитой и опытной, вот почему Мегги не смогла устоять от соблазна использовать ее в роли консультанта.

– Что скажешь, Коко? Взгляни, не чудо ли это платье, что мы купили для Мари-Элен?

Коко меряет платье коротким взглядом. Ее ответ уже готов, но она не торопится выносить вердикт.

Девушка стоит прямо, словно кол проглотила, похожая на какую-нибудь герцогиню с портрета эпохи барокко. Она с нетерпением ждет, что ей снова скажут: «Прелестно, просто прелестно!»

Коко обожает Штаты. Она влюбилась в эту шумную, полную красок страну в первый же свой приезд. Даже фиаско, пережитое лет двадцать назад, не умерило ее чувств. Сэм Голдвин, циничный голливудский магнат, был уверен, что сможет возродить славу американского кино и, главное, продать много входных билетов, если великая Шанель сделает эксклюзивные наряды для знаменитостей. После недолгих колебаний она согласилась. Но хватило нескольких месяцев, чтобы понять: рафинированный европейский стиль ее туалетов с трудом уживается с любовью Голливуда ко всему броскому и яркому. Она поняла, что к такому же заключению пришел и сам мистер Голдвин, разрыв с которым прошел по взаимному согласию и совершенно безболезненно. Но Америка осталась в ее сердце. В 1953 году она на две недели стала гостем Мегги, своей близкой

нью-йоркской подруги. Как это ни печально, сейчас ей предстоит сыграть роль безжалостного палача – и когда! Накануне самого главного бала ее дочери...

Будьте уверены, с уст Коко не слетит ни единого слова, даже отдаленно напоминающего медоточивую лесть, к которой так привыкла Мари-Элен, успевшая продемонстрировала свое новое платье ближайшему окружению. Королева моды ограничивается короткой репликой:

– Оно ужасно. Просто чудовищно!

Эти ее слова послужили детонатором – за ними последовал взрыв отчаяния, юная дебютантка безутешна.

Но грядущий вечер таит в себе не одну неожиданность. Коко и не думает ограничиваться комментарием. Она оглядывается по сторонам и замечает красную шелковую штору с бахромой у себя за спиной.

– Спокойно, – говорит она, с таинственным видом изучая ткань. – Вот что решит все наши проблемы.

Она просит, чтобы штору сняли. Вооружается всевозможными подручными инструментами: ножницами, иголкой, булавками. И создает сказку. То, что получается, гораздо больше, чем просто платье. Теперь на Мари-Элен настоящее произведение искусства, отличающееся тонким вкусом и неподражаемой элегантностью. К тому же ценность ему прибавляет имя великой Шанель.

Бал получился сказочный. Целый вечер за Мари-Элен толпой ходили восхищенные подружки. Им хотелось знать, кто автор этого чуда.

У сказки Мари-Элен будет и продолжение – свадьба. Ее супругом станет Ги де Ротшильд, принц на белом коне.

Коко знала, что такое успех, весь мир был у ее ног. Но этот маленький эпизод всегда наполнял ее гордостью. На американской земле возродилось ее желание вновь стать королевой. Уменьшительно-ласкательное «Коко» никогда ей особо не нравилось.

– Нов роли Габриель мне уже скучно, – решает она.

Из ателье на улице Камбон она исчезает поспешно и в полном молчании.

На показе, знаменующем возвращение Коко Шанель, она так и просидела на лестнице, никем не замеченная.

– Пусть смотрят на мои платья, а не на меня, – говорила она в дни, предшествующие грандиозному событию. – И я вовсе не собираюсь отдавать дань моде. У меня другая цель – показать туалеты, которые давно уже ношу в своем сердце. И потом, все эти новинки, о которых говорят тут и там, – я их уже видела раньше. Париж носил их лет тридцать назад.

Но вот показ завершен... Растерянные лица тех, кто покидает зал, говорят о многом.

Люсия Буте возвращается в хаос закулисы, где модели снимают с себя платья и натягивают их на манекены.

– Отлично, девочки, – говорит она с серьезным видом, – если вы понадобитесь, с вами свяжутся.

Обернувшись, Люсия внезапно замечает Коко, застывшую у входа.

– О, мадемуазель... – произносит помощница дрожащим голосом. – Я только что сказала девушкам, что мы скоро свяжемся с ними...

Коко молчит. Ее широко распахнутые глаза все видят и все замечают. Она могла бы разозлиться на бестактность Люсии – за очевидный скепсис, звучавший в ее голосе. Но сейчас ей не до этого. Манекенщиц еще обязательно позовут. Но только она знает, когда и для чего.

Кто сказал, что сегодняшний показ оказался неудачным? Произведения близких друзей Коко – музыканта Стравинского, драматурга Кокто, художника Пикассо – насквозь пронизаны новизной, и найдется немало людей, готовых подвергнуть их остракизму. Но, в отличие от указанных мэтров, небеса наградили Коко невероятной интуицией (и плюс к тому практичностью). Она давно поняла, из каких источников подпитывается гениальность. Все новое – это хорошо забытое старое. Творчески переработанное, привязанное к сегодняшнему дню. Некоторое время назад именно она убрала с дороги Поля Пуаре, одевавшего женщин ярко, но немного безвкусно, в стиле восточных гаремов. Следуя за Пуаре, она окончательно освободила женщин от корсетов и тяжеловесных тканей, создав для них невиданные ранее образы. В своем творчестве она воплощала в жизнь то, что видела много лет назад на крестьянках

Курпьера, где провела свое раннее детство. Она переработала рубахи нормандских рыбаков, да много еще чего. Эстетическая революция великой Шанель рождалась из подсказок, подброшенных из прошлого...

На следующий день после показа газеты выстрелили безжалостными комментариями. Коллекцию Коко назвали «жалкой попыткой выбраться из тьмы забвения». Обложка одного из изданий гласила: «Шанель безнадежно устарела».

Вскоре в центре внимания оказалось новое имя – Кристиан Диор. Восходящая звезда работает в стиле модерн, и его модели считают верхом элегантности. После провала Шанель он открыл собственное ателье в Париже, откуда принялся насаждать стиль *Belle Epoque*.

«Этот человек, которому чуть меньше пятидесяти (он родился в 1905-м), воображает, что познал все тайны высокой моды. Боже, какой же он старый. Старше моих семидесяти одного!» – думает Коко, маленькими глотками попивая горячий чай в своем номере отеля «Ритц». То, чем он занимается, ставит под сомнение то будущее, которое она наметила. Не превратятся ли ее идеи в залежалый товар, в отбросы?..

– Вас спрашивает мсье Кокто, мадемуазель. А до этого заходил еще и мсье Деон, – шепчет Манон, единственная, кому Шанель позволила оставаться рядом.

– Нет, скажи всем, что я отдыхаю. Они идут сюда, чтобы принести соболезнования по поводу окончания моей карьеры. Мило с их стороны, конечно, – только слишком преждевременно.

А в это время в Нью-Йорке, в редакции журнала «Вог» трудятся в поте лица.

– Это будет гвоздь номера? – спрашивает редактор у директора, Беттины Баллар.

– Разумеется. Мне нужна позитивная статья. Как минимум три страницы текста к вот этим фотографиям.

На фото – очаровательная девушка в соломенной шляпке. Это Мари-Элен Арно. Ее руки глубоко спрятаны в карманах, на ней блузка из белого льна, черный бант на юбке, синий пиджак из джерси. В ее образе безошибочно угадывается прикосновение руки Шанель.

Баллар стремится удовлетворить горячий интерес к француженке, распространившийся по Америке подобно эпидемии. По другую сторону океана возвращение Коко было воспринято совсем по-другому – оно пробудило в американцах страсть. Не только «Вог», но и «Харпер Базар», да практически все гляцевые журналы, посвященные моде, констатировали очевидное: стиль великой Шанель востребован. Об этом

свидетельствуют многочисленные витрины американских бутиков и заказы самых богатых клиентов. Противоположная часть земного шара провозгласила свою королеву. Коко может снова надеть корону.

Дни в Курпьере

Нет, это не вой ветра... За окном, как и каждую ночь, тихо шелестит густая бархатная листва. Из коридора доносится скрип. Что это? Двери открылись? А может, это животное кричит в хлеву? В темноте звуки пугают, лучше бы не слышать их совсем...

Темной ночью малышка Габриель лежит в постели и борется со сном. Мама тоже не спит. Ей не хватает воздуха. Девочке хочется встать и обнять ее. Она знает, что мама сидит в кровати, раздавленная очередным приступом астмы. Если зажечь свет, в маминых глазах будет читаться усталость. Ее уже ничто не спасет. Именно поэтому Габриель хочет поскорее стать взрослой... и в то же время она боится этого.

Наконец девочка решается: выныривает из собственной постели и решительно погружается во мрак коридора. Пока она шагает к комнате матери, холод ледяными лапищами хватается ее за босые ноги. Ей нужно увидеть свою бедную мамочку...

Нужно быть рядом с ней... Она должна... Даже если ее появление вызовет гнев или слезы.

– Габриель... – слышит она в дверях. Сначала звук маминого голоса пугает малышку, но потом придает уверенности. Мама хочет сказать еще что-то, но ее сотрясает новый приступ кашля. Астма – вот имя главного врага. Габриель слышала, что это болезнь совсем не похожа на лихорадку, которой она сама болеет время от времени.

В такие дни мама и тетя обычно стараются избегать вызова врача.

– Завтра-послезавтра все пройдет, – уверенно говорят они.

Но верится в это с трудом. Попробуй поверь, если внутри нее что-то бурлит. В такие минуты девочке кажется, что чудовищная рвота не оставит ее никогда. Но... проходит два дня, и мир снова сияет яркими красками. Немного окрепнув, она уже бежит по полям вместе со старшей сестренкой Жюли.

А вот с болезнями взрослых действительно проблема... Они, эти болезни, похоже, никогда не проходят.

– Как ты себя чувствуешь? – шепчет малышка, как только мать перестает кашлять.

– Не беспокойся, сейчас пройдет.

Евгения Жанна Деволь сама не верит своим словам. Нет, не пройдет... В свои пять лет девчонка многого не понимает. Вскоре кашель сменится печальным колокольным звоном, сопровождающим похоронную процессию...

Габриель хочется прикоснуться к матери, обнять ее, но ее

останавливает ледяной взгляд. В хрупком мамином теле поселилась не только астма. Сердце бедной женщины терзает одиночество. Вот уже несколько месяцев они живут в Курпьере, в Оберни, куда папа Альберт привез их, прежде чем исчезнуть в очередной раз. Они гостят у дяди Августина Шардона и его жены Франсуазы. В довольно приличного вида деревенском домике места хватило всем, хоть и с трудом.

Альберт, бродячий торговец, вечно без гроша в кармане, каждый раз уезжал с таким видом, будто ему предстоит сделка, благодаря которой его семья сказочно разбогатеет. В брак с Жанной Деволь он вступил исключительно потому, что она вынашивала под сердцем уже второго ребенка (Жюли родилась незаконной). 19 августа 1883 года на свет появилась Габриель. В ту пору Альберт и Жанна безвыездно жили в Сомюре. (Сомюр прославился тем, что в этом городе Оноре де Бальзак поселил Евгению Гранде, героиню своего шедевра.) Позже у пары были еще дети – Антуанетта, Люсьен и Альфонс. Августин, третий сын Альберта Шанель и Жанны Деволь, умер при рождении.

Состояние здоровья Жанны давно уже оставляло желать лучшего. Но Альберту это было только на руку. Под предлогом «свежего воздуха» он отвез семью в Курпьер, а сам отправился навстречу приключениям.

Сначала это были «маленькие приключения» – в соседних деревнях, а потом география его поездок, как всегда, расширилась.

Габриель лишь изредка удавалось увидеть отца. Память едва хранила заразительный смех, светлые усы и удлинненные на затылке волосы. Однажды, когда они еще жили в Иссеуаре, ее сестренка Жюли, услышав за окном шум подъезжающей повозки, радостно закричала:

– Мама! Мама! Папа приехал!

Габриель была слишком мала, чтобы запомнить все в деталях, но кое-что она помнила. Достаточно было взглянуть на маму, чтобы понять, с каким нетерпением Жанна ждала своего беспутного мужа.

Отец звучно и нежно поцеловал дочку в щеку. А потом все забыли о ней. Как же – герой вернулся домой, и его следовало уважить...

Вскоре она заснула, свернувшись калачиком прямо на полу и подложив под голову ручонки. А Жюли просидела с отцом дотемна, пока ее не отправили спать.

Ночью Габриель разбудил настойчиво повторяющийся незнакомый звук. Что-то похожее на шипение, только более насыщенное... Она открыла глаза и вдруг заметила родителей.

Они стояли совсем близко друг к другу. Мама, казалось, пыталась отодвинуть от себя папу, который вдавливал ее в стену. Левой рукой он тянул маму за обе руки вверх, а правая пряталась непонятно где. Шипение вдруг стало оглушительным, похожим на стон. Девочка никак не могла понять, откуда исходят звуки. Возможно, стонала мама, шептавшая одновременно «нет». Потом Габриель увидела, как папа правой рукой ухватился за подол маминого черного платья и будто пытался отыскать что-то между ее ног. В те мгновения, когда ему это удавалось, мама отводила взгляд и пыхтела, вся дрожа. Неожиданно мамины попытки освободиться стали активнее.

– Я не хочу, Альберт! Мне нехорошо. И потом, я знаю, у тебя были другие женщины. Ты мне отвратителен. Свинья!

Эта фраза заставила отца ослабить хватку. Он не улыбался, как обычно, лицо его вдруг превратилось в пугающую злую маску. Такого выражения у него Габриель никогда не видела. Она вся взмокла, пот катился с нее градом, заливая глаза. Похоже на дождик, который никак не останавливался.

Альберт предпринял еще одну попытку обнять Жанну, но уже было ясно, что у него ничего не выйдет, что она снова оттолкнет его. Тогда он убрал руки и низко опустил голову. В такой позе он простоял несколько секунд, не произнося ни слова. Жанна продолжала смотреть на него настороженно, будто ждала нападения.

И дождалась. Внезапно Альберт стремительно поднял правую руку и со всего размаха ударил ее. Пощечина была жестокой и обжигающей. Жанна упала бы, если бы не стояла у стены.

Габриель все смотрела и смотрела на родителей, не в силах отвести взгляд. Ей хотелось, чтобы все это оказалось дурным сном, который забудется утром, когда она проснется.

Жанна наклонилась, закрыв лицо руками. Шипение прекратилось. Слышался лишь тихий жалобный плач. А потом отец негромко и отчетливо проговорил:

– Пошла вон, идиотка! Убирайся!

Потом он развернулся и направился к выходу. В дверях он бросил Жанне:

– Приготовь-ка мне постель. И собери провизию в дорогу. Через пару дней я уезжаю.

Чтобы окончательно добить жену, он произнес последнюю фразу:

– Эй! И еду я один, не надейся!

Даже по прошествии многих лет Габриель помнила это сцену. Но она не заставила ее разлюбить отца. Отец, всегда появлявшийся внезапно, как снег на голову, так широко

улыбался... Единственное, что Габриель вменяла ему в вину, – это его постоянное отсутствие. Именно с ним она связывала ухудшение маминого здоровья, ее нескончаемые приступы.

Зато ей очень нравилась отцовская повозка, так часто увозившая его прочь. А еще больше ей нравилась лошадка, запряженная в повозку.

– Иди-ка сюда! – говорил отец и, взяв ее на руки, подносил прямо к лошадиной голове. – Ей нравится, когда детки ее гладят. Зови ее Улитка, это я ей такую кличку дал. Вот увидишь, она не обидится.

Дорогими для нее были и воспоминания о тех днях, когда они все вместе тряслись в этой повозке, переезжая на новое место. Детей еле удавалось втиснуть между узлами с добром. Отец обещал им «светлое будущее». Уж что-что, а язык у этого человека был подвешен. Он с легкостью кормил своих близких несбыточными обещаниями:

– Вот увидите, там будет хорошо, просто здорово! Это потрясающее место! Заживем по-королевски!

От кого-то он слышал, что хорошо живет в Бурганёв, потом, что в Эйгюранде, затем – что в Иссуре, в Курпьере, в Бривля-Гайарде. В сущности, ему было без разницы, где жить. Доставив семью, он оставался с ней максимум два дня, а потом снова пускался в бег. «Работа...» – вот и все его объяснения. Все попытки удержать мужа и отца были в высшей степени бесполезны.

...Взгляд матери останавливает Габриель. Жанне всего двадцать пять, но она чувствует себя вдвое старше. Запасы материнского тепла у Жанны постепенно иссякают, а девочке так хочется почувствовать его. Но нет, ни ей, ни Жюли ничего не достается. Несмотря ни на что, Жанна любит своего мужа-странника, это любовь для нее как наваждение, и только с ним она просыпается к жизни. Детям не достается ничего, кроме раздражения.

– Пожалуйста, не подходите слишком близко. Мамочка плохо себя чувствует, и ей надо побыть одной, – вот что они слышат каждый день.

Уроки детства не проходят даром – так Габриель научилась искусству держать дистанцию. Ей почти незнакомы прикосновения материнских рук. Примерно в пятилетием возрасте она поняла, что роль дочери заключается в том, чтобы ухаживать за матерью и... ждать.

– Тебе что-нибудь нужно? Хочешь, принесу тебе водички, мама?

Страшный звук маминого кашля Габриель предпочла бы

вычеркнуть из памяти. Но... не получается. Даже сейчас он преследует ее. А в пять лет она готова была стать верной служанкой для матери, которая не испытывала к своим детям никаких чувств. Евгения Жанна Дюваль, впервые забеременевшая в семнадцать лет, возможно, просто не созрела для роли матери. Габриэль лезла из кожи вон, чтобы подарить Жанне свою любовь, но та не нуждалась в ней. И так было до самой смерти Жанны.

– Возвращайся в постель. Иди спать. Не беспокойся, мне сейчас ничего не нужно.

Габриэль поворачивается и уходит. Ей нестерпимо хочется ощутить прикосновение маминой кожи к своей. Она тихонько бредет в свою комнату и ныряет под одеяло. Босые ноги заledenели, но она не чувствует этого. Закутываясь в простыню, она пытается компенсировать нехватку материнского тепла. К горлу подступают рыдания, но она уже научилась сдерживать их.

– Я несчастна. Наверное, мне никогда не стать счастливой. Но клянусь, я не проведу свою жизнь в нытье.

Переезд в Бривля-Гайард

– Ну-ка, давайте все в повозку! Мы уезжаем!

Отец уже не в первый раз кричит это. Он пытается, чтобы его голос звучал как можно веселее, ему хочется разрядить тяжелую атмосферу. Здесь, в Курпьере, им хорошо жилось, ну почему, почему Альберт Шанель вечно стремится куда-то? Вероятно, он генетически предрасположен к странствиям. Его душа хранит воспоминания об отцовском ремесле – Анри-Адриен, дедушка Габриель, тоже был бродячим торговцем. Взрослая жизнь Анри-Адриена точно так же началась с тайного отцовства, когда он встретил и полюбил малолетку в Сен-Жан-де-Валерискль. Разница лишь в том, что Анри-Адриен гораздо чаще думал о своей возлюбленной, Вирджинии-Анжелине Фурнье. Он обрюхатил ее сразу после того, как та справила шестнадцатилетие, и принудил во всем признаться родителям. Объяснение было болезненным, но в результате она стала его законной женой – семья заставила. Анжелина произвела на свет девятнадцать детей. Своего первенца, зачатого украдкой, она назвала Альбертом. Это был жизнерадостный малыш, которому судьба заготовила особую роль – роль отца Габриель Боннер Шанель, Коко Шанель.

Родители Анжелины, почтенная чета Фурнье, надеялись, что их дочка выйдет замуж за человека зажиточного, способного обеспечить надежное будущее. Но вместо этого они увидели перед собой бессребреника с внешностью мужлана. Этот нищий приехал неизвестно откуда и устроился на подсобные работы. С его слов, когда-то он был коммивояжером. Еще он вроде бы занимался разведением шелковичных червей, и вот это похоже на правду... На дворе был девятнадцатый век, и в консервативных областях Франции (в частности, в Гарде, что в центре Лангедока) требовалось соблюдать традиции. Делать нечего – юная Анжелина, чья честь была запятнана этим чертовым неудачником, просто обязана была выйти за него замуж.

Разумеется, Альберт ничего этого не знал. Но стоило ему родиться, как он начал искупать свою вину. Вину, которая четверть века спустя запятнает и его репутацию. Анжелина рожала его в крошечной комнатке богадельни в Номе. В полном одиночестве. Ее любимый Анри-Адриен Шанель в тот день был где-то в другом месте. «Прости, дорогая, я занят...» Такое же одиночество испытала и Жанна Деволь – сначала при рождении Жюли, а потом и Габриель. Долг, дела... Похоже, в роду Шанель это превыше всего.

...И вот они уезжают. Оставляют гостеприимного дядюшку

Августина Шардона и зеленые поля Курпьера. Их жизнь перемещается на двести километров западнее: папа Альберт сказал, что пришло время перебираться в Бривля-Гайард. Это на берегу реки Коррез, что в провинции Лимузен. Никто не радуется предстоящим переменам. Невесело детям, невесело Жанне.

Жанне, наверное, тяжелее всех. Это уже не первый их переезд в этом году. К тому же она взвалила на себя непосильный труд повсюду следовать за мужем, когда ни один врач не позволил бы ей ничего подобного. Только недавно она сдалась, опустила руки перед необходимостью проводить время дома, с детьми: болезнь брала свое. Ее постоянно мучила тревога: Альберт теперь повсюду ездил один, и одному богу известно, в какие приключения он ввязывался. Жанна искала с ним счастья, но так и не нашла. И вряд ли когда-либо найдет. Нынешний переезд тоже ничем хорошим не закончится. Альберт говорил что-то об отеле, купленном на пару со сводным братом Ипполитом, – они столкнулись во время очередной его поездки, где-то на севере Франции. Жанна очень сомневалась, что у мужа была сумма, необходимая для покупки отеля, каким бы маленьким он ни был. Именно поэтому она проявила осторожность. Она согласилась покинуть Курпьер, но только при условии, что с ними поедут только подросшие дочки – Жюли и Габриель. Трем младшим детям – Альфонсу, Антуанетте и Люсьену – лучше пока пожить у родственников. Одинокие старики с удовольствием позаботятся о бедных малышах, появившихся на свет в результате хронической безответственности безмозглого и бестолкового отца.

– И вот это местечко ты называешь прелестным, Альберт?

Едва повозка остановилась на улице Лестанг, Жанна интуитивно почувствовала, что грядут неприятности.

Пока их трясло на пыльных дорогах, она хоть как-то пыталась сдерживать неприятные мысли, но они все равно прорывались. Она не могла понять, зачем согласилась на переезд... Будто кто-то спрашивал ее согласия! Альберт – свободная птица и вряд ли когда-нибудь станет примерным семьянином. В особенности теперь, когда он – совладелец (или пусть даже просто управляющий) крошечной гостиницы. В любом случае, если у него действительно завелись деньжата, то в его жизни будет еще больше спиртного и еще больше женщин.

«Этот человек считал возможным отсутствовать, когда его дети появлялись на свет, его не было рядом, когда мы в нем особенно нуждались... Почему же он вдруг захотел, чтобы мы жили все вместе, не у родственников, а своей семьей?» – ломала голову Жанна.

Впрочем, как только Улитка остановилась возле мрачного

каменного здания в конце улицы Лестанг, на правой ее стороне, Жанна все поняла. Никакая это не гостиница и никакой Альберт не владелец. Жалкая грязная таверна с криво приколоченной вывеской не принадлежала ни ему, ни его братцу Ипполиту. Оба – просто работники, занимающиеся унизительным трудом. В их обязанности входит обслуживание алкоголиков, готовых просадить в таверне последние деньги. Судя по всему, и ее, Жанну, вскоре ждет то же самое. Она тоже будет работать. Официанткой, посудомойкой – с открытия до последнего клиента. Ее руками муженек облегчит себе жизнь, ведь некоторые дела женщины делают гораздо лучше и быстрее.

Силенок у Жанны совсем мало, зато запасы великодушия – безграничны. Работа ее не пугает. И вот уже где-то в подсознании зародилась мысль, что это единственная возможность быть рядом с мужем.

– Послушай, Жанна! Если мы как следует поработаем, то эта таверна и в самом деле скоро станет нашей, – шепчет жене Альберт, умеющий подсластить пилюлю. Он все хорошо рассчитал, этот красавчик. Девчонки уже подросли и вполне могут помогать родителям. Пусть знают, работа, какой бы тяжелой она ни была, – это неотъемлемая часть существования.

В Бриве для Габриель наступила новая, взрослая жизнь. Здесь нет ни леса, ни цветущих лугов, где так хорошо было бегать с Жюли. Унылый городок с десятком тысяч жителей. В паршивой таверне на улице Лестанг всегда многолюдно, и это особенно удручает девочку. Разве мама здесь поправится? Напротив, теперь она вкалывает больше, чем самая здоровая женщина. А папа ей совсем не помогает. К тому же теперь, когда семья обосновалась на новом месте, он все чаще стал уезжать.

– Будет гораздо полезнее, если я заработаю деньги в другом месте, – говорит он привычную фразу.

Держи, не держи – все равно убежит. Отец Габриель привык к вольной жизни и менять свои привычки не собирается.

А вот его братец Ипполит развезжать не любит. Бывает, что и он исчезает на пару недель, но гораздо чаще его можно видеть здесь, на улице Лестанг, но уж точно не потому, что ему по душе работа в таверне. Ипполит – человек немногословный, и выглядит он старше без пяти минут сорокалетнего Альберта. О его прошлой жизни практически ничего не известно. Сам он про себя предпочитает не рассказывать. Похоже, его здоровье пошатнулось после давней аварии, в которую он попал вместе со стариком Анри-Адриеном.

Запутанная это была история... Вернувшись как-то из дальней поездки, мсье Шанель-старший возник на пороге родного

дома с десятилетним темноволосым парнишкой и объяснил, что отныне мальчик будет жить в их семье. Выпив вина за ужином, он рассказал, что с родителями Ипполита был знаком и раньше. Якобы они были зажиточными крестьянами, а потом их разорила засуха. Чтобы мальчик не умер с голоду, они попросили на время забрать его. «Бедный ребенок... Я просто не в силах был отказать...» – вздохнул Анри-Адриен, допивая очередной бокал. Вообще-то у него дома с едой тоже были перебои, но не мог же он сказать правду. На самом деле Ипполит был плодом случайной связи Анри-Адриена с одной девушкой из Эгю-Морта. Связь была совсем не долгой, и, как водится, получив свое, Анри-Адриен исчез из ее жизни. Позже, когда он уже женился в Сен-Жан-де-Вальрискль, до него дошли слухи, что та девчушка из Эгю-Морта родила ребенка. Жила она вместе с родителями, и те помогали ей растить сына. Видимо, было в этой девчушке что-то такое, что однажды, несколько лет спустя, Анри-Адриен набрался смелости постучать в ее дверь. Как ни странно, встретили его дружелюбно, и с тех пор, каждый раз проезжая через зеленую деревушку в Лангедоке, Анри-Адриен останавливался у своей возлюбленной. Так было до тех пор, пока не пришло траурное известие. Бабушка и дедушка Ипполита умерли, и отчаявшаяся женщина доверила на время сына коммивояжеру. Вот так Ипполит появился в доме многочисленного семейства Шанель. Правда, жил он у них недолго. Малыш был привязан к матери, постоянно спрашивал о ней и без конца плакал. Его не утешала даже возможность поиграть с новоиспеченными братом и сестрой (с Альбертом и Луизой, законными детьми Анри-Адриена, он был почти одного возраста). Мальчик гостил в доме около четырех месяцев, а по прошествии этого срока Анри-Адриен, посоветовавшись с его матерью, решил, что Ипполиту лучше вернуться в свой старый дом в Эгю-Морте...

Габриель всегда испытывала любопытство к этому человеку. Говорил он весьма редко, а вот кашлял часто. Кашлял надсадно, гулко, совсем не так, как мама. Совершенно очевидно, что жизнь у него была непростая. Вечером, когда все столики в таверне заняты, он разливал вино и разносил тяжеленные подносы. Глядя на него, казалось, что ничем другим он никогда и не занимался. Если где-то назревал скандал, он мгновенно приструнивал забияк. Но, закончив работу, Ипполит преображался. И куда только девалось его проворство? Он, похоже, вообще не замечал, что вокруг него существуют другие формы жизни. Просто спал на ходу, и все! Габриель всегда хотела спросить, есть ли у него жена и дети, но так и не решилась. Невольно она сравнивала Ипполита с отцом. Конечно, в детстве она не знала таких слов, но ее отец

был артистичен. Балаганный зазывала – вот на кого он был похож. А для Ипполита она так и не нашла подходящего сравнения.

...Девять утра. От густого тумана воздух кажется плотным, хоть ножом режь. Жанна уже больше двух часов моет грязную посуду, оставшуюся с вечера. Посуда вот-вот понадобится: в таверне уже готовят завтрак, а там и до обеда недалеко.

Габриель слышит, как в соседней комнате надсадно кашляет Ипполит. Странно, почему он до сих пор у себя...

Девочке тревожно. Пойти посоветоваться с мамой? Но маме явно не до нее... В конце концов она подходит к двери Ипполита и тихонько стучит.

– Тебе что-нибудь нужно? Ты нормально себя чувствуешь? – спрашивает она.

Слова легко срываются с ее губ. Точно такие же вопросы она задает и своей маме, когда у той случается очередной астматический приступ.

– Кто там? – доносится из-за двери хриплый, вибрирующий голос.

– Это я, Габриель... – отвечает девочка. – Я просто хотела узнать, не нужно ли тебе что-нибудь?

– Нет, ничего не надо, спасибо. Все хорошо.

Повисает молчание. Габриель отходит от закрытой двери, но потом снова возвращается. Потоптавшись немного, она прижимается ухом к прохладной шероховатой древесине. Она и сама не знает, что хочет услышать. Там, внутри, кажется, ничего особенного не происходит. Грохочет сдвинутый стул, какой-то металлический предмет стучит о поверхность стола... Неожиданно дверь распахивается, и девочка вваливается в комнату. Но это ее не смущает. В свои одиннадцать лет она достаточно сообразительна, чтобы найти подходящий выход. Габриель собирается с духом и непринужденно произносит:

– Дядя, я как раз вернулась, чтобы спросить: может, тебе принести горячей воды? Я только что согрела целую кастрюлю.

Не так-то просто понять, поверил ли ей Ипполит. Рассеянное выражение на его лице – хороший признак. А вдруг он все-таки злится, потому что понял – за ним шпионят?

– Так что... нужна тебе горячая вода? – лепечет девочка.

На этот раз Ипполит улыбается, но как-то странно – от его улыбки полуприкрытые веки чуть приподнимаются.

– Нет, спасибо, не надо. А ты что же не в таверне? Разве маме не надо помочь?

Внезапно Габриель охватывает страх. Ее голос едва слышен:

– Я... Я осталась дома, потому что хотела немного

позаниматься грамматикой. Я... кое-что недоделала из уроков...

Лучше бы она этого не говорила!

– Уроки? Что ж, я могу тебе помочь. Я довольно хорошо знаю грамматику. Если что-то непонятно, думаю, смогу тебе объяснить.

Габриель и представить не могла Ипполита в роли учителя. Она полагала, что только люди, облаченные в монашеские одежды, настолько хорошо владеют грамматикой и арифметикой, что могут передать свои знания другим. Все ее учительницы были монашенками. Выходит, дядя Ипполит – исключение из правил?

– Мне надо подучить диакритические знаки, – уточняет Габриель, чтобы проверить: вдруг он капитулирует?

Но Ипполита это не смутило:

– Знаки, говоришь? Значит, со слогами ты уже разобралась?

Это озадачивает девочку. Теперь она не сомневается, что дядя Ипполит разбирается в грамматике. Но... это так странно. Разве можно было ожидать такого от человека, который зарабатывает на жизнь в грязной таверне?

– Да, слоги я довольно-таки хорошо знаю. Я очень люблю грамматику.

– Отлично. Тогда иди сюда, Габриель, садись. Вместе поучим твои знаки.

– Я вчера уже начала делать вот это упражнение...

Габриель говорит это, с гордостью показывая Ипполиту свою тетрадь. Монахини частенько хвалят ее за прилежание, за то, что она схватывает все на лету.

– О, так я вижу, ты уже усвоила, как они расставляются? – похвалил ее дядя. И куда только делась его суровость?

– Ну да, по крайней мере, с буквой «ё», – довольным голоском произносит девочка.

– Молодец, а с остальными знаками у тебя как?

Ипполит отрывает взгляд от тетради и смотрит на Габриель. Затем кладет руку девочке на плечо. Внезапно тема меняется:

– Это тебе мама сшила? – спрашивает он, поглаживая ткань узловатым пальцем в нескольких сантиметрах от выреза на груди.

Габриель замечает, что лицо дяди внезапно окрасил легкий румянец. Потом и голос его изменился – стал глухим и тихим, похожим на шипение.

– Малышка, тебе очень идет это платье. Оно красивое, как ты сама.

Слышать комплименты ей не впервой. Однако девочка догадывается, что здесь что-то не так. И потом, эта рука... Габриель чувствует ее прикосновения уже на своей коже.

– Если хочешь, малышка, расскажи мне про другие знаки, а я послушаю тебя...

Да что это с ним творится?! Может, ему плохо?

Голос Ипполита вновь меняется. Он и раньше-то был негромким, а теперь и вовсе кажется, что дядю душат.

Ипполит все чаще сглатывает слюну, лоб его покрывает испарина.

– Ну же, Габриель, давай рассказывай про знаки.

Теперь одна его рука настойчиво ласкает грудь девочки. Вторую он пристроил на ее коленке, там, где платье уже не прикрывает ноги.

– Итак, знаки?

Габриель молчит. Под подолом ее бежевого платица происходит нечто отвратительное. Ипполит задыхается. От его зловонного дыхания девочку начинает тошнить. Ей хочется попросить дядю убрать пальцы, которые он пытается просунуть ей между ног. Но вдруг он сочтет это за наглость?

– Тебе нравится, малышка? – спрашивает Ипполит. Вся его кожа покрыта каплями пота.

Габриель отрицательно помотала головой, но он и не заметил этого.

– Ай! – вдруг вскрикивает она.

Пальцы дяди доставляют ей внезапную боль. Девочка больше не в силах сдерживать свои эмоции. Она чувствует, как по ее щекам ползет что-то горячее. Она понимает, что это слезы, и пытается вытереть их. Она уже давно-давно плачет.

Руки Ипполита продолжают шарить по ее телу.

– Хвати-и-ит! Хватит, прошу тебя! – вырвался крик из самой глубины ее души. Она сама не понимает, как у нее хватило сил на такой вопль. Вот он, момент освобождения! Вздвогнув, дядя убирает руки и испуганно смотрит на нее.

Габриель плачет по-детски жалобно. Она поправляет помявшееся платице, забирает тетрадку, которой так гордилась, и возвращается в комнату родителей.

Она снова остается наедине с самой собой. Одиночество идет за ней по следу. Вечное одиночество...

Кровь на полу

Климат в Бривля-Гайарде не ахти какой. Промозглый осенний холод безжалостно проникает под кожу, сводит мышцы. Зимние морозы жгут щеки, от них ломит кости и болит душа.

Местонахождение Альберта Шанеля, как всегда, неизвестно – вот уже несколько дней, как он уехал в очередной раз. Может, торгует где-то на базаре (как представляют дети). Может, лезет под юбку к какой-нибудь разбитной бабенке или – в лучшем случае – цедит абсент в кабаке (так думает Жанна).

Жюли, Габриель и маленькая Антуанетта, приехавшая от стариков, играют в своем доме на улице Д'Альзас-Лоррен – перебрасываются мячом, набитым сухой листвой. Из соседней комнаты то и дело доносится кашель Жанны. Габриель прислушивается к нему.

– Подождите, девочки, я сейчас приду, – говорит она.

Может, и плохо так говорить, но Жюли до матери дела нет. Она думает только о себе и порой не замечает, что происходит в двух шагах от нее. А вот Габриель давно уже превратилась в няньку. Так уж вышло, что за мамой ухаживает только она.

– Как ты? Тебе лучше?

Каждый раз, когда у Жанны начинается приступ, она задает этот вопрос и каждый раз слышит в ответ:

– Иди играй, Габриель. Если понадобится, я тебя позову, не беспокойся.

Дежурные слова, призывающие держать дистанцию. Габриель уже привыкла, но в глубине души ей трудно смириться с маминой нелюбовью.

Она уже хочет уйти, но вдруг настораживается. Пол вокруг маминого кресла заляпан красным. Должно быть, это кровь, мамина кровь. Она вылетает изо рта, когда Жанна кашляет. Кровь решительно не нравится девочке. Надо рассказать кому-нибудь об этом, а для начала – запомнить все в мельчайших деталях.

Габриель решает подождать следующего приступа. В том, что он на подходе, она не сомневается. Именно поэтому мама пытается выгнать ее из комнаты – это видно по ее глазам.

Кашель сжимает горло Жанны, мешает ей говорить:

– И-ди... и-г-рай...

Вот он, приступ... В облачке силлого дыхания из маминого рта вырываются красные струйки, будто кто-то невидимый разбрызгивает краску.

Габриель не говорит ни слова. Сейчас ей необходимо понять, что же такое происходит.

Алый сгусток на полу распадается на брызги, похожие на увядшие лепестки мака...

А еще у мамы опухшие и покрасневшие глаза – сильнее, чем когда-либо...

– Ма-лыш-ка...погаси весь свет. Лам-пад-ку тоже по-га-си и закрой ок-но...

Габриель тушит газовую лампадку, и комната погружается во мрак. Самое время бежать к мадам Казотт, грудастой кухарке из таверны на улице Лестанг. Она-то наверняка знает, что делать в таких случаях. Габриель всегда думала о ней в те минуты, когда ее охватывала тревога.

– Жюли, Антуанетта, вы играйте, а мне нужно сбежать в таверну, – бросает девчущка сестрам.

Путь до таверны недолог. Если бегом, хватит восьми – девяти минут, чтобы добраться. Сначала она побежит по дороге, которая ведет к широкой мостовой бульвара Жюля Ферри, оттуда – буквально сто метров до перехода через улицу Лешер-боннье, и вот уже улица Лестанг.

Конечно, на папиной повозке получилось бы гораздо быстрее, но папы нет. Он уехал в Париж, а может, даже в Америку. Он вернется и привезет деньги, большие деньги, и они пригласят доктора. Папа всегда так широко улыбается, что мама просто не сможет не ответить ему. Но сейчас им нужно справляться самим. И как можно быстрее!

На Габриель юбка из темного полотна, под которой скрываются штопанные белые чулки. В юбку заправлена блузка с бархатистой опушкой на воротнике. Эта одежда не может спасти от холода. Но девочка не замечает его. Подгоняемая тревогой за маму, она бежит что есть мочи.

– Мадам Казотт! Мадам Казотт!

Она уже знает, что кухарка высунется из окна, проделанного в облупившейся стене таверны. Сначала покажется огромная грудь, а потом и лицо, испещренное лопнувшими под кожей сосудиками.

– Привет, детка. Тебе что-нибудь нужно?

– Мадам Казотт, маме плохо. Ей в самом деле совсем плохо. Вам надо поторопиться...

Хорошо, что она поверила! Габриель не успела договорить, а мадам Казотт уже принялась развязывать ленточки белого фартука, обвязанные вокруг талии. На дороге рядом с девочкой она оказалась даже раньше, чем та ожидала.

– С чего ты взяла, что ей плохо? Что с ней?

Сердобольную женщину, тридцать лет проработавшую на кухне, охватил ужас. Ей известно, насколько слаба здоровьем

мать этой девчушки. Два дня назад она сама предложила Жанне хоть немного посидеть дома.

– Я тут и без тебя справлюсь, – сказала она. – К тому же мне помогут Жан Мари и Амели. Не хочу найти тебя где-нибудь в коридоре в глубоком обмороке. Отдохни и наберись сил, ведь мы не хотим потерять тебя.

Она вовсе не шутила, ее действительно пугало, что однажды Жанна свалится в обморок, а то и вовсе сыграет в ящик. Видно было, что ее болезнь прогрессирует, становится все тяжелее, а к докторам Жанна не обращалась.

– Идем, детка, идем. Посмотрим, что там у вас происходит...

Габриель дрожала. От пробежки она немного вспотела, а быть мокрой на ветру просто отвратительно. Но она не станет жаловаться. Мадам Казотт такая добрая, еще вернется за теплой шалью, и время будет упущено. Нет уж, лучше потерпеть...

– Ты что пришла совсем раздетая? Тебе не холодно?

– Мадам Казотт, маме плохо, правда. Она все время кашляет, все сильнее и сильнее.

– Ладно, не волнуйся, мы быстро. Вернее, давай-ка лучше разделимся: я пойду к Жанне, а ты беги домой к доктору Крюшону, на улицу Тьер. Скажи ему, чтобы шел к вам, и попроси поторопиться. У него двуколка – поедете вместе. Ну, до скорого!

Вот это да! Оставить маму так надолго... Никто не смог бы уговорить Габриель сделать это, но кухарка нашла верный тон.

Мадам Казотт знает, что делать, поверила девочка и помчалась в сторону улицы Тьер.

Доктора Крюшона она застала в пижаме, с любимой газетой в руке. Чтобы упросить его оторваться от чтения, ей понадобилось двадцать минут, не меньше. Пятидесятилетняя домоправительница, открывшая дверь, сказала, что доктора нет. Но Габриель услышала сухонькое покашливание, доносившееся из гостиной.

– Доктор! – крикнула девочка от входной двери. – Вы должны выйти! Умоляю вас, пойдите со мной! Моей маме совсем плохо. У нее изо рта идет кровь, много крови!

Крюшону уже немало лет, и он не мог не понять, насколько все серьезно.

– И далеко ли твой дом, малышка? – спросил он, откладывая газету.

– Тут рядом, доктор. Мы живем на Д'Альзас-Лоррен...

Вскоре двуколка доктора выехала с улицы Тьер. Не успела она остановиться, как Габриель выскочила с криком:

– Мама! Мадам Казотт! Мы здесь! Мы здесь!

Она обнаружила, что Жанна уснула, – возможно, убаюканная

мадам Казотт. Кухарка сидела рядом и держала ее за руку, тихонько поглаживая. Жюли и маленькая Антуанетта, испуганные и растерянные, застыли в дверях, все еще с мячом в руках.

Доктор Крюшон поставил чемоданчик и направился к креслу.

– Она ведь не только что заснула, правда? – осторожно спросил он.

И откуда он только знает? Ну да, он же доктор!

Габриель чувствует себя приободрившейся. Мама спит, а когда она проснется, все будет хорошо!

Доктор Крюшон склоняется над Жанной и берет ее за руку.

– Надо разбудить ее. Но осторожно, чтобы не напугать.

Его слова обращены к мадам Казотт. Та шепчет мамино имя, мягкая рука треплет маму по щеке. Крюшон тем временем роется в своем чемоданчике и что-то негромко говорит кухарке. Габриель напрягает слух, но слов разобрать не может.

– Да, доктор, конечно. Я ей скажу. Габи, вам сейчас лучше выйти отсюда. Забирай своих сестренок и идите в другую комнату. Мы вас позовем попозже.

Девочки послушно выходят, хотя Габриель больше всего хочется остаться. Ждать за дверью еще тяжелее, чем смотреть на маму, когда ей плохо. Была бы она взрослой, сама бы спросила у доктора Крюшона, почему у мамы во время кашля изо рта идет кровь! Ей нужно только знать, и все. Ведь не лечить же маму его позвали. Габриель даже представить не может свою маму здоровой и сильной. Она не выздоровеет, не выздоровеет никогда. Маминой болезни уже много лет – ясно, что вылечить ее невозможно.

Спустя примерно четверть часа мадам Казотт распахивает дверь. На ее губах играет мягкая улыбка.

– Вашей маме лучше, – говорит она. – Но впредь вы должны помогать ей. И еще. Несколько дней вашей маме нужно побыть в полном одиночестве.

Несколько дней? Что все это значит? И почему в одиночестве?

– Мадам! – набравшись смелости, подает голос Габриель. – Нам что, даже нельзя сказать ей до свидания?

– Я знаю, это непросто, детка. Но вам придется привыкнуть к мысли, что к маме сейчас нельзя даже приближаться. Понимаете, девочки, это опасно. И для нее, и для вас. От вашего папы давно нет никаких новостей? Хотя бы какое-нибудь письмо или записка? Хоть что-нибудь?

– Нет, мадам, – шепчет Жюли, – по-моему, нет. Мама ничего такого не говорила.

– Ладно, неважно. А сейчас послушайте меня. Здесь, в Бриве,

живет одна женщина – все зовут ее Мама Лилиана. Она поможет вам. Я буду часто навещать вас. А она будет с вами всякий раз, как я не смогу прийти. Не волнуйтесь, мы вас не оставим. Мама Лилиана живет тут неподалеку. Надо предупредить ее, что в ней нуждаются. А отыскать ее нам поможет отец Саломон. Он-то уж точно знает, где найти эту женщину.

Доктор Крюшон продолжает молчать с загадочным видом. Он напоминает мудреца, каких Габриель видела на картинке в книге. Медицинские принадлежности аккуратно сложены в чемоданчик, доктор готовится покинуть дом. Габриель жадно вглядывается в каждое его движение. Она ждет вердикта, пусть даже непонятного, но она попытается разобраться.

– Увидимся через пару дней, – бормочет доктор, втискиваясь в темный плащ, – до свидания, девочки. И пожалуйста, сделайте так, как вам сказала мадам.

Маме Лилиане, наверное, не больше пятидесяти, но выглядит она старше. Габриель, Жюли и Антуанетта с изумлением замечают, что, впервые перешагнув порог их дома, она чувствует себя вольготно. Спросила только, где взять постельное белье и пару ведер, чтобы носить воду. Потом принялась за уборку. Каждый раз, заходя в комнату Жанны, она плотно закрывает за собой дверь. Оттуда теперь доносился запах, которого раньше никогда не было. Может, так пахнет лекарство, прописанное Жанне доктором Крюшоном? Может, это мыльный раствор, которым Мама Лилиана моет комнату?

Жанна по-прежнему кашляет, но кашель слышится все реже. Однако Габриель это не радует.

Она знает, что мадам Казотт отправила мамину старшему брату, дядюшке Морену Деволю, письмо с просьбой срочно приехать в Бриве. Настораживают и выброшенные в мусор окровавленные тряпочки – их не становится меньше. И в довершение всего с матерью они не видятся уже больше недели. Когда же наконец им разрешат поговорить? Мама Лилиана – человек жесткий. Но Габриель готова потерпеть это, ведь навязанная им помощница – единственная, от кого можно получить хоть какую-то информацию.

– Ну, не сказать, что дела хороши... Я навидалась кучу таких случаев. И знаю, как это лечится...

Пойди пойми, что она имела в виду. «Не сказать, что дела хороши» – это одно. А «я знаю, как это лечится» – совсем другое. Раз лечится, значит, есть надежда...

Но на самом-то деле туманные фразы Мамы Лилианы совершенно ничего не объясняют, заставляя тревожиться еще больше. Габриель ненавидит эту женщину, но никогда не

позволит себе выказать свои чувства. Ведь это – единственный человек, которому дозволено быть рядом с мамой, ухаживать за ней. Именно она каждый раз со всех ног кидается в мамину комнату, когда оттуда доносится слишком сильный кашель.

От нее Габриель услышала новое название маминой болезни:

– Вот такой он, туберкулез. Он ест тебя поедом. Но мне он не страшен, – бросает сиделка. – Всякая болезнь – кара. Чтобы избежать наказания, надо не совершать некоторые грехи. Я не боюсь этой болезни. Мне туберкулез нипочем, потому что я всегда держусь Бога.

Туберкулез... Кажется, Габриель уже слышала это слово. Кажется, что-то говорили монашки в школе, но она ничего не запомнила.

Доктор Крюшон заходит к ним часто, почти каждый день. И с каждым днем его лицо становится все более тревожным. От дяди Морена нет никаких известий – кто знает, получил ли он письмо? Альберт Шанель тоже пропал, его нет уже больше месяца. Но так и раньше бывало: вовсе не новость, что он пропадает надолго.

Сейчас с девочками один только доктор, который собирается уходить. Мама Лилиана выскочила в лавку, купить спаржи к обеду.

– Доктор, как мама? – спрашивает Габриель, набравшись смелости. В присутствии Лилианы она бы не решилась заговорить с Крюшоном.

– Пока что, девочка моя, самое важное, чтобы вы держались подальше от нее. Понимаю, как это тяжело для вас, но на данный момент это просто необходимо. Ваша мама нуждается прежде всего в покое. Полном покое. До свидания. Я снова приду сюда завтра или максимум послезавтра.

Что ж, понятно... Вернее, ничего не понятно. Габриель страдает, лишенная общения с матерью, и это не важно, что мама всегда прогоняла ее от себя. Ну почему, почему они не могут видиться?! Мадам Казотт и этой противной Лилиане отчего-то позволено входить в мамину комнату, отныне погруженную во мрак. Эта темнота будоражит воображение двенадцатилетней девочки. Мама жива – об этом свидетельствует ее кашель. Но эти окровавленные тряпки... А еще скрип двери, назойливо проникающий в уши...

Девочка подходит и легонько нажимает на ручку.

– Мама, мама... – Ее голосок настолько тих, что его трудно услышать: – Мама, как ты? Это я, Габриель...

Глаза девочки привыкают к темноте, она различает в глубине комнаты неподвижный силуэт.

– Мам, это я, мама...

Жанна наклоняется вперед, кашляет, но не так ужасно, как раньше, – кажется, она прочищает горло, чтобы ответить.

– Габ-ри-ель... те-бе... нель-зя... здесь...

– Я знаю, мама, знаю. Но я так хотела увидеть тебя. Я не могу быть без тебя так долго. Обещаю, что скоро уйду. Вот сейчас и уйду. Просто скажи, как ты себя чувствуешь?

Девочка с трудом сдерживает рыдания, и ей это удастся: нельзя расстраивать маму. Вместо ответа Жанна кашляет, все сильнее и сильнее.

– Я то-же... хо-те-ла... видеть... те-бя... Габ-ри-ель. Только... не подходи. Позаботься... о Жюли... и остальных. Ты... самая... сильная. У тебя... по-лу-чит-ся... Постарайтесь... вести... себя... так, будто... я... рядом. И... скажи... папе, что...

Мама глубоко и шумно вдыхает, словно подавившись едой. Габриель этот звук напоминает плач ребенка. Вдруг наступает полная тишина. Несколько мгновений девочка ждет, а потом по ее щекам потекли слезы. Какая досада, ведь в борьбе со слезами она всегда выходила победительницей!

– Так что передать папе? – нарушает она повисшее молчание.

Но мама не отвечает. Она никогда больше не сможет ответить.

Габриель понимает, что она осталась одна. Впереди у нее беспросветное будущее... Без мамы...

Девочка выходит и тихонько закрывает за собой дверь. На дверной ручке остается красный след. Ее пальцы выпачканы чем-то красным. Но ведь она не могла порезаться. Габриель проводит рукой по лицу и обнаруживает, что оно залито не слезами, а брызгами маминой крови, долетевшими до нее, когда та кашляла. Последний знак смертельной болезни...

В этот день детство Габриель окончательно закончилось. С трагической кончины матери в темноте душной комнаты начинается путь взрослой Габриель.

Сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Оно стучит, как часовой механизм бомбы, готовой вот-вот взорваться.

Габриель все время проводит с Антуанеттой, младшей сестренкой, которая родилась после одного из стремительных наездов Альберта в Курпьер. Жюли, как обычно, предпочитает помогать сестре Терезе. Они вместе ухаживают за садиком во внутреннем дворе обители.

Девочки прячутся среди одежды. Гардеробная комната закрытого монастыря ревностно охраняется. Именно поэтому девочки и забрались сюда, ведь все запретное притягивает.

Любопытство – основная движущая сила юной Габриель. Конечно, она боится быть пойманной. Но страх, словно удар кнута, подталкивает ее к новым приключениям. А еще страх научил ее быстро бегать. Хочешь преодолеть страх – мчись со всех ног.

Габриель уже пятнадцать, но она не выглядит на свой возраст. Антуанетта, которая младше ее на три года, и вовсе кажется малышкой. В отличие от большинства сверстниц, у Габриель все еще плоская грудь и костлявые бедра. Ее фигура напоминает мальчишескую. Характер у нее тоже мальчишеский – она не любит всех этих церемоний, свойственных девочкам. Она давно пыталась уговорить Антуанетту залезть в гардеробную. В конце концов, только так и открываются тайны! Правда, что им потом делать с этими раскрытыми тайнами, она не знает. Но это и не важно. Самое главное – справиться со страхом. А заодно бросить вызов неусыпному контролю со стороны сестры Джульетты.

На самом деле сестра Джульетта не такая уж строгая, но с ней нужно быть начеку. У этой монашенки прямо-таки талант разгадывать намерения воспитанниц сиротского приюта еще до того, как они сотворят что-то.

Накануне набега на гардеробную Габриель советует Антуанетте вести себя как обычно. Если они вдруг станут пай-девочками, это вызовет подозрения. А вот взгляда сестры Джульетты лучше избегать.

– Не смотри на нее, пока мы идем в столовую, – наставляет она младшую сестренку. – И перестань улыбаться – Джульетта сразу поймет, что твоя улыбка неискренняя!

Антуанетта знает, что распоряжениям Габриель нужно следовать. Признаться, поход в гардеробную ее не вдохновляет, но она ни за что в этом не признается. Ведь Габриель может стать

такой противной, если услышит отказ. Но отказать ей почти невозможно – Габи умеет убеждать. Наверное, это наследственный талант – от отца. Альберт Шанель прямо с повозки намечал себе жертву и втюхивал ей товар, который гроша ломаного не стоит. Габриель вся в него. Говорит и говорит без умолку. Много слов, и все пустые, но как действует! Под лавиной ее слов утонуть можно. Антуанетта сдается почти сразу. Вот и сейчас она покорно произносит:

– Ладно, сделаем, как ты хочешь. Только я не хочу, чтобы меня наказали...

Однако Габриель Шанель нельзя назвать пустой болтушкой. Бывают моменты, когда она упорно молчит. Здесь, в гардеробной, ее молчание вызывает у Антуанетты форменную панику.

– Эй, Габи, ты почему не отвечаешь?! Ну скажи хоть что-нибудь!

Молчание – это от матери. Мать редко отвечала на вопросы Габриель. В этом было что-то роковое, завораживающее... Габриель нравится держать паузу. Добавить сюда прямой взгляд, который немногие выдерживают...

– Как ты считаешь? Наденем одно здесь или унесем с собой? – наконец говорит она.

Антуанетта ушам своим не верит.

– Унести с собой одно из этих платьев?! Ты что, с ума сошла?! Нас же сразу поймают!

Они перебирают монашеские одежды. Почти все они черного цвета. Девочкам невдомек, что черный – символ лишений и покаяния. Монашки не производят на них впечатления покаявшихся. У сестры Софии, к примеру, выражение лица всегда такое высокомерное... Воспитанницы, попавшиеся ей под горячую руку, долго ходят заплаканные, а ведь Христос говорил «возлюби ближнего своего...»

– Подумаешь, давай сташим и потом спокойно померяем ночью, когда погасят свет. И другим девочкам покажем. Вот будет весело!

Габриель все-таки дрожит немного, пока рассказывает о своих планах. Но ей хочется быть выше страхов.

– Ну-ка, посмотри. Это мне идет?

Она накидывает грубый монашеский капюшон рыжего цвета.

– Должно быть, это отца Матье. Красиво, да? Ну как мне в нем? По правде говоря, отец Матье и сам довольно симпатичный.

Антуанетта парализована происходящим.

– Габи, давай уйдем отсюда. Скоро переключка в зале, – шепчет она.

Коридор, в который выходит гардеробная, кажется

пустынным. Девочки выбираются не дыша. Шаг до порога, еще один, чтобы выйти за дверь. Теперь дверь нужно плотно закрыть за собой.

– Да ладно, – шепчет Антуанетта, – давай не будем закрывать, а то все услышат шум...

Неожиданно в коридоре появляется Клодетт. Ей почти восемьдесят, и она живет при монастыре Сакре-Кер-де-Мари в Обазине уже много лет. На ее понимание они не надеются. Покрывать кого-то здесь считается аморальным. Молчание – грех. Так что выхода нет: рассказывай все, что знаешь про других, а если не знаешь – то придумывай. Господь оценит твою открытость.

Клодетт явно изумлена. Эти две сиротки никоим образом не должны находиться здесь во время молитвы перед полуденной трапезой. Некоторое время она молчит, раздумывая над тем, что видит, а потом строго спрашивает:

– Что вы здесь делаете?

В руках у Клодетт несколько маргариток, сорванных в саду по распоряжению сестры Изабель. Сжав покрепче стебельки, она повторяет:

– Вы что, не слышите меня? Что вы здесь делаете?

Габриель мнется, и Клодетт начинает догадываться: здесь что-то не так.

– Почему вы не в зале со всеми остальными? – повышает она голос.

– Я потеряла заколку для волос, Клодетт. И, по-моему, уронила ее как раз в этом коридоре, когда сестра Джульетта вела нас на прогулку.

Габриель, как всегда, надеется, что потоки слов хоть немного смягчат последствия.

– Поможешь нам найти ее? – продолжает она. – Такая простая черная заколка, которая...

Она замолкает, потому что бессмысленно продолжать. Клодетт засемила к монашенкам – нельзя же покрывать чужие грехи! Девочки и переглянуться не успели, как старушка была уже в самом конце длинного коридора.

– Рабы Божьи Габриель и Антуанетта, следуйте за мной.

Сестра Джульетта входит в спальню, не церемонясь. Ее задача – отвести сестер Шанель к старшей монахине. Спальня большая – на двенадцать кроватей, и девочки-сиротки, живущие здесь, испуганно замолкают. Прошлой ночью Габриель и Антуанетта рассказали им, что видели в гардеробной, но откуда об этом узнали монахини?

У самой двери стоит Моника, худенькая белокурая девочка.

Когда сестры проходят мимо, она ободряюще улыбается им: все будет хорошо! Габриель понимает смысл этой улыбки и опускает ресницы в знак признательности за поддержку. Робкое проявление дружеских чувств не подавить даже жесткими порядками, царящими в стенах монастыря.

– Матушка...

– Молчи, чертовка!

Старшая монахиня в негодовании. На лбу у этой бесстыдницы Габриель большими буквами начертано, что она виновата! Вот и сейчас она осмелилась раскрыть рот, хотя ей никто не позволял делать это. Рассказ Клодетт был красноречив, даже домысливать ничего не пришлось. Возмутительное непослушание! Малолетние грешницы, должно быть, действовали по указке самого дьявола, когда крались по монастырским коридорам.

– Вы отдаёте себе отчет в том, что произошло? Вы одни разгуливали там, куда воспитанницам вход запрещен. Это тяжелый проступок, это непозволительно! Ведь без надзора вы могли совершить самые ужасные нарушения. Я вынуждена наказать вас. И не только для того, чтобы этого больше не повторилось, но, прежде всего, чтобы вы очистились от скверны. А теперь идите. Вами займется сестра Джульетта. Разговор окончен!

День после этого тянулся как резиновый – не так-то просто дожидаться наказания. С вечерней трапезы они вернулись в семь. И уже спустя две минуты на пороге выросла сестра Джульетта.

– Рабы Божьи...

Эту формулу они уже знали наизусть. Их имена звучат как имена преступниц, которым грозит смертная казнь.

– За мной! – командует монахиня.

Куда их ведут? Может, в ту самую подвальную комнату, о которой воспитанницы рассказывают шепотом? Там «избавляют от греха», но что это значит? От коридора на нижнем этаже подвал отделяет тяжелая дверь из темного дерева. Вот-вот эта дверь распахнется...

Странно, но путь их лежит вовсе не в подвал. Сначала они идут по одному коридору, затем по другому, подлинней, потом еще по одному, пока наконец не останавливаются перед маленькой дверцей. Сестра Джульетта извлекает из кармана связку ключей, находит среди них нужный и отпирает дверь.

– Входите!

Внутри стоит стул, приставленный к столу, на котором в беспорядке разложены вязальные спицы. Чуть в отдалении – кресло-качалка с двумя клубками шерсти на сиденье.

– Итак, объясните мне, чем вы занимались?

– Матушка... – лепечет Габриель, но ее тут же прерывают.

– Не смей и вздохнуть, пока я тебе не позволю! Вас ждет наказание. Но сначала я должна понять, почему вы там оказались. Ну же, отвечайте. Теперь я разрешаю говорить.

– Матушка, я потеряла заколку, и мы ее искали. Я попросила Антуанетту помочь мне. Мы даже не заметили, что остались одни...

Антуанетта молчит, парализованная страхом. Ее пугает наглое вранье старшей сестры. Бог карает за ложь...

– Я не верю тебе, – ледяным тоном произносит монахиня. – Мы обнаружили, что дверь в гардеробную была открыта. Вы хотели что-то украсть оттуда. Или еще того хуже. И вот за это вы заслуживаете самого строгого наказания.

Габриель не отводит глаза. Почему-то ей кажется, что страшного наказания не будет.

– В таких случаях нарушительниц ждет порка. И месяц двойной работы и молитв, – продолжает сестра Джульетта.

Порка? И кто же этим займется? Глаза монахини совсем не злые. Скорее, печальные... Габриель все больше укрепляется в мысли, что порки они избегнут.

Странная, странная сестра Джульетта... Пройдет восемнадцать лет, прежде чем тайна этой женщины приоткроется.

...В то сложное время Габриель открыла в Довиле большой магазин, в котором продавала платья, сводящие с ума многих французов.

– Здравствуйте! Это вы мадемуазель Шанель?

В ателье вошла женщина лет пятидесяти. У нее светлая кожа, руки странно подрагивают. Ни своим поведением, ни внешностью она даже отдаленно не напоминает тех клиенток, которые обычно заходят в новый магазин. Клиентки Шанель – состоятельные дамы, чьи мужья облачились в военную форму, чтобы командовать полками. Но эта женщина явно небогата.

– Нет, госпожа, – вежливо отвечает миловидная продавщица. – Меня зовут Адриенн. Что вам угодно? Платье?

– О, нет, что вы! Простите, но мне нужно поговорить с мадемуазель Шанель.

Адриенн – младшая сестра Альберта, и Габриель во всем ей доверяет, так будет до самого конца. Она родилась спустя несколько месяцев после того, как Жанна Деволь произвела на свет свою вторую дочку. Словом, Габриель она приходится тетей, хотя по возрасту младше нее.

– Хорошо, но тогда вам придется немного подождать. Мадемуазель вышла и сказала, что вернется... А, вот и она. Уже вернулась.

Габриель попала под сильный дождь. Войдя в магазин, она направила свой взгляд на неизвестную посетительницу, одновременно пристраивая мокрый зонтик у входной двери.

– Привет, Адриенн! Меня спрашивали?

– Похоже, да, Коко. Тут одна госпожа желает поговорить с тобой.

Женщина молча слушает их диалог.

– Чем могу быть полезна, мадам?

– Мое имя Пардье, – с готовностью откликается та. – Жозефина Пардье. Вам оно ничего не скажет, потому что мы с вами не знакомы. Но я здесь потому, что вы знали мою сестру, хотя я совершенно уверена, что и ее настоящее имя вам не известно.

Теперь Габриель смотрит на женщину с нескрываемым любопытством.

– Вашу сестру? Простите, но я не понимаю...

Дама поднимает вуалетку, спускающуюся на лицо с полей шляпки, и становятся видны ее глаза. Эти глаза Габриель немедленно узнает.

– Мадемуазель Шанель, моя сестра – та самая монахиня из монастыря Сакре-Кер в Обазине, Джульетта...

В животе у Габриель что-то сжимается, она чувствует, как густая краска заливает ее лицо.

– На самом деле ее звали Симона. Симона Пардье.

– Я помню ее! – восклицает Габриель, пытаясь погасить пожар, разгорающийся внутри. – Конечно, я ее помню. Где она сейчас? Все еще там, в Обазине? Как она?

Несколько мгновений Жозефина Пардье молчит. Потом отвечает:

– Она умерла, мадемуазель. Это произошло пять дней назад. И наверное, для нее это было освобождением. Она давно уже страдала от тяжелой болезни, которая в последние годы приковала ее к креслу. К сожалению, разум тоже покидал ее... Но Симона успела рассказать мне историю, связанную с вами и вашей сестрой. И сейчас я здесь именно из-за этой истории.

– История обо мне и моей сестре? – с замиранием в сердце откликается Габриель.

– Да, мадемуазель.

Габриель владеет только одно желание – убежать. Схватить зонтик, с которого еще стекает дождевая вода, и выскочить под ливень, разом смывающий и дорожную пыль, и горькие мысли о войне. Больше всего на свете ей сейчас хочется этого... А может, лучше сказать посетительнице: «Извините, мадам, но у меня очень много дел и нет никакого желания слушать вас»? Пока она

раздумывает, как поступить, уже поздно что-либо предпринимать. Так, волею случая, госпожа Пардье получает возможность начать свой рассказ.

– Я сразу хотела бы прояснить одну вещь, – говорит она. – Мне мало что известно о жизни моей сестры в монастыре. Но зато я хорошо помню, что случилось до этого. Она была младше меня на два года. Однажды, когда ей не было и восемнадцати, она вернулась домой, жалуясь на плохое самочувствие. Наша мама сперва не обратила на это особого внимания, но потом стала замечать, что Симону каждый раз тошнит после еды. Ей не понадобилось много времени, чтобы понять, в чем тут дело. Расследовать, кто виноват в беременности ее дочери, было бессмысленно. Симона, рыдая, клялась, что жизнь готова отдать за этого мужчину и за еще не родившегося ребенка. Надо ли говорить, что она и не собиралась от него избавляться... Нам удалось скрыть все это от отца на несколько недель. Наш папа, Филипп Пардье, был органистом в бенедиктинском аббатстве в Сарла, местечке, где родились мы с Симоной...

Адриены обеспокоенно поглядывает то на Габриель, то на мадам Пардье. Коко негнушится пальцами мнет ткань лежащего на коленях пальто. Хозяйка магазина с трудом подавляет рвущиеся наружу чувства:

– Мадам, в ногах правды нет. Прошу вас, присядьте.

Жозефина тут же усаживается на предложенный стул и продолжает свой рассказ:

– Так вот, как я уже сказала, мы сначала скрывали от отца этот неприятный факт. Но было ясно, что так или иначе в один прекрасный день нам придется обратиться к мужчине, отцу будущего ребенка... Симона упрямялась некоторое время, но потом все же вынуждена была признаться. Она рассказала нам, что за ней ухаживал мужчина из хорошей семьи, к тому же довольно состоятельный. Правда, обстоятельства сложились так, что он временно работал коммивояжером...

На этом месте Габриель шумно вздохнула. До сих пор она не понимала, зачем эта дама явилась сюда и к чему откровенничает с ней. Но теперь... Коммивояжер... бродячий торговец...

– Мадемуазель, – продолжила Жозефина, – мы довольно быстро выяснили, что этого мужчину звали Альберт. А потом наша мама узнала, что ремесло бродячего торговца вовсе не было для него временным. Но сейчас это уже неважно.

То, что обольстителем был ее отец, Габриель догадалась с самого начала, еще до того, как Жозефина Пардье назвала имя – Альберт. Но почему эта история из далекого прошлого рассказывается сейчас, именно здесь, в ее магазине? И главное, с

какой целью эта женщина предприняла столь тяжелое по нынешним временам путешествие? Ей нужны деньги? С одобрения других членов ее семьи она хочет содрать с Габриель определенную сумму – в уплату за старую вину?

«Да, так оно и есть, – думает она. – Эта дама уедет, как только я дам ей несколько сотен франков. Что ж, я могу позволить себе это. Проклятая война... Вероятно, семейство Пардье умирает с голоду, иначе они не решились бы на подобное унижение...»

Но эта последняя фраза... «Сейчас это все уже неважно» – так сказала женщина. Что она имела в виду? Так не говорят, когда хотят денег...

– Что ж, если все это уже неважно, то зачем же вы приехали? И что тогда важно? – спрашивает Коко.

Мадам Пардье сидит в кресле посреди торгового зала. Ее окружают манекены, одетые в нарядные платья. Она намерена продолжить свой рассказ.

– Габриель! Я могу называть вас так? – спрашивает гостья, воодушевленная приветливым выражением лица хозяйки магазина.

– Ну, конечно! Буду только рада! – откликается та.

– Я понимаю, что отнимаю у вас драгоценное время, мне очень жаль, поверьте. Сейчас я уже закончу... Хочу заметить, что я здесь только потому, что моя покойная сестра попросила меня об этом. Еще тогда, когда ясность мысли не оставила ее. Она чувствовала, что умирает...

Адриены подавлена происходящим. Она судорожно пытается отыскать предлог, чтобы хоть немного снять напряжение.

– Я приготовлю чай, дамы?

Но ее вопрос повисает в воздухе. Габриель не сводит с гостьи глаз. Судя по всему, Жозефина Пардье спешит закончить свой визит, ведь он доставляет ей столько боли...

– Габриель, моя сестра хотела, чтобы вы знали: чтобы устроить вас в монастырь после смерти матери, ваш отец обратился к сестре Джульетте. Благодаря ей вы и ваши сестры были приняты без всякой платы. У Симоны... простите, у сестры Джульетты, всегда был соблазн рассказать вам о том, что связывало ее с вашим отцом. Она успешно боролась с этим искушением, но потом, сломленная болезнью, решила, что вы все-таки должны знать...

Габриель словно наяву чувствует мягкое прикосновение монашеской одежды. Перед ее глазами вновь возникает растерянное лицо сестры Джульетты и та самая комнатка, куда она отвела Габриель и Антуанетту, притворившись, будто

намерена наказать их. На самом деле она сделала все, чтобы спасти их от порки и от всего остального.

Конец ознакомительного фрагмента. [Полный текст доступен на **www.litres.ru**](http://www.litres.ru)